

УДК 801.81+811.161.1

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ ФОРМУЛ В ПРОМЫСЛОВОЙ РЕЧИ ПРИКАМЬЯ¹

Екатерина Николаевна Свалова

аспирант кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. svalova87@mail.ru

В статье рассматриваются пословицы, поговорки и устойчивые этикетные формулы, отмеченные в промысловой речи рыбаков и охотников Прикамья (пожелания, шутки, стереотипные комментарии). Описывается содержательная сторона используемых в промысловой речи этикетных паремий, их соотношенность с хозяйственной и магической обрядностью. Исследуется характер образности формул-запретов, предписаний, благопожеланий, их языковое оформление. Анализ функций устойчивых паремий позволил существенно дополнить представления об эмоционально-психологической составляющей промысловой деятельности, обнаружить сохранившиеся в ней, с одной стороны, традиционное магическое, а с другой, – игровое начала.

Ключевые слова: промысловые субкультуры; речевой этикет; этикетная формула; языковая игра; вербальный аспект обрядовой традиции.

Большое количество исследований в современной лингвистике посвящено особенностям речевого поведения в целом и речевому этикету в разных сферах коммуникации в частности. Однако общение в народной (диалектной) традиции изучено, на наш взгляд, недостаточно, хотя в работах ученых оно исследуется с разных сторон [Агапкина, Виноградова 1994; Балакай 1996, 2002; Гольдин 2002; Зорина 2007, 2011, 2012; Крючкова 2009; Мешкова 2010]. Данный культурно-языковой феномен практически не рассматривался в коммуникативно-прагматическом аспекте, в особенности это касается промыслового речевого этикета – а именно, речи охотников и рыбаков.

Занятие охотой и рыбалкой, безусловно, изначально направлено на поиск пропитания. В то же время зачастую оно не связано с конечным результатом – уловом, добычей зверя, птицы, а ценно само по себе как источник удовольствия. В народной культуре отношение к человеку, занимающемуся промыслом, неоднозначно. С одной стороны, такое занятие считается праздным времяпрепровождением: *Рыбка да линьки (окуньки) – пройдут межсезонье (красные) деньки; Рыбка да рябки – потеряй деньки; Рыбки да утки – оставят без обуви* [НОС 9: 162.]. С другой стороны, охотники и рыбаки признаются людьми особенными, наделенными исключительными качествами. Известно выражение *Всяк родится,*

да не всяк в охотники годится, которое говорит о том, что охотником может стать не каждый [СПГ 1: 148]. Одним из характерных признаков «исключительности» промысловой деятельности является то, что в ней невозможно гарантировать какой-либо результат. Человек, занимающийся промыслом, находится в пограничном состоянии между повседневной жизнью и таинством сближения с природой, он пытается понять ее язык и умеет принимать ее законы.

Движущей силой в деятельности охотников и рыбаков является азарт. В народной речи азарт охотника может осмеиваться, как, например, в выражении *Горячему охотнику и пень заяц* [СРГЮП 1: 197]. Такое же ироническое отношение к азарту промысловика передается и в шуточной оценке незадачливого, без меры суетливого рыбака: *Рыба за ним бегаёт, а он от рыбы*. [СРГЮП 3: 56]. Успех охоты или рыбалки нередко связывают с особенностями характера и личности промысловика: *От человеческого характера зависит улов. Хороший характер – везёт в лесу и на воде/Есть люди, на которых идет рыба и зверь, а на которых не идет* [Бахматов и др. 2003].

Естественно, что успех промысла зависит не только от характера человека и везения. Являясь достаточно «тонкой» деятельностью, промысел требует от человека специальных знаний, умений, большой практики. Промысел – это труд, о

чем свидетельствует поговорка *Борова да водяна настойку любит*. [СРНГ 3: 104]. Добыча в приведенном примере обозначена с помощью слов *боровá* и *водяна́*. *Борова* – собир. ‘всё находящееся в лесу: звери, деревья, птицы, ягоды и т.д., – необходимое для человека’; *водяна* – собир. ‘всё, живущее в воде, необходимое человеку (обычно о рыбе)’ Собираемые существительные обозначают в данном случае не конкретную добычу, а locus, наделяемый в сознании человека особыми свойствами, – деятельность на воде и в лесу требует *настойки* – упорства, настойчивости [СРНГ 20: 194] (ср. *настой* ‘настойчивый’ [Даль: электр. ресурс], *настой* ‘терпение’, *выбить из настою* ‘вывести из терпения’ [СРНГ 20: 194]).

Итак, оценки занятия промыслом в народной культуре двойственны. Глубинные смыслы этой деятельности проясняет специфический речевой этикет промысловиков. Е.С. Новик, рассматривая словесные формулы в контексте промысловых обрядов на материале Сибири, отмечает, что «направления, в которых варьируются словесные формулы, показывают, что особая роль в этом процессе принадлежит прагматике» [Новик 1988: 80]. Автор выделяет формулы, «сопровождающие обряды кормления духов перед началом промысла»: 1) обращение к духу или животному; 2) приглашение его к трапезе или словесное перечисление приносимого в жертву; 3) изложение просьбы; 4) факультативные формулы, констатирующие получение ответного дара [там же: 78]. Поскольку в современных условиях промысел утратил тесную связь с ритуалом, классификация словесных формул по приведенным выше основаниям была бы некорректной. Рассмотрев словесные формулы, представленные в пермских и общерусских диалектных словарях, мы можем сделать вывод о том, что их условно можно разделить на три крупных тематических блока: 1) словесные формулы, предваряющие промысел (*Сто на багор (нашим)!*; *Рыбочка на удочку* – благопожелания рыбаку); 2) словесные формулы, сопровождающие промысел (*Не та попалá* – паремия произносится с целью не спугнуть удачу; *На ссяку – рыба всяка* – заговорная формула «на удачу»); 3) словесные формулы, фиксирующие результат промысла (*С уловом* – уральск.; *С помимкой вам!* [СРНГ 28: 349]).

Группу предваряющих промысел словесных формул составляют, в основном, паремии-благопожелания, адресованные охотнику или рыбаку. Словесная формула *Тугой лески!* (Кунгур) имеет устойчивую для паремий структуру: ср. пожелание уходящему *Гладенькой дорожки!* Эллиптированная структура выражения делает его устойчивой, легко воспроизводимой форму-

лой – примером «тайного языка», который вырабатывает субкультура. В отличие от пожеланий, типа *Рыба в ловушку! Рыба в сак!*, в которых прогнозируется результат промысла, в паремии *Тугой лески!* через указание на атрибут деятельности не актуализируется идея о том, что она должна быть успешной; в ней особую значимость приобретает именно процесс промысла: паремия *Тугой лески!* (тугая леска – знак попавшейся на крючок, сопротивляющейся рыбы) синонимична и выражению *Хорошего клёва!*

Среди предваряющих промысел словесных формул достаточно непростыми в плане языкового воплощения являются напутствия в виде недобрых пожеланий, когда программирование успеха реализуется формально в пожеланиях неудачи. Так, напутствие *Рыба в воду, чёрт на уду, кривохвостик на крючок* (Оханский район) [СРНГ 15: 247] формально является недобрым пожеланием: с помощью вербальной формулы рыбака «лишают» улова (*рыба в воду*) и насылают на него нечистую силу, способную навредить промыслу (*чёрт на уду*) или вообще выступить в качестве добычи (*кривохвостик на крючок* – от диалектного *кривохвостик* ‘черт’). На самом деле, произнесение подобных формул (ср. *Ни хвоста, ни плавников; Ни пуха ни пера (ни рыбки ни хвоста); Лешачок в сачок!*) связано со стремлением подчинить себе не только рыбу, но и самих духов, ее охраняющих.

Предваряют промысел не только пожелания, адресованные рыбаку, но и, например, шуточные приговорки, произносимые им самим. Паремия *Рыба-рыба, ешь мою плешь* (Светлица, Косинский район), которая произносится перед началом рыбалки, представляет собой короткую заговорную формулу, включающую в свой состав шуточную брань *ешь твой плешь!* – выражение крайнего раздражения, досады, недовольства кем-л. [БСРП 2007: 261]. Этот же сюжет отмечен во фразеологизме (*всю*) *плешь проест (перестет)* ‘крайне надоест (просьбами, разговорами)’. В паремии *Рыба-рыба, ешь мою плешь* говорящий формально выполняет действие, обеспечивающее хороший клев, – виртуально «прикармливает» рыбу и при этом просит ее «надоедать» ему. Выражение соотносится и с известным обрядовым использованием брани, где она имеет продуцирующий смысл.

Группу паремий, сопровождающих промысел, составляют различные комментарии, которые произносятся охотниками и рыбаками на разных этапах промысла. Тесную связь промыслов с ритуалом показывают многие промысловые паремии. Примером может служить рыбацкое заклинание *Пётр-Павел пророк, дай мне рыбы на пи-*

рог (п. Мысы Гайнского р-на; слова говорятся перед забрасыванием снасти). Паремия содержит обращение к высшим силам – в т.ч. к апостолу Петру, покровителю рыбаков. Примечательно объединение в пожелании имен апостолов в одно имя. Во-первых, в этом отразилось представление о духовной близости апостолов (при том, что Петр был известен как простотой и горячий человек, а Павел – как книжник и фарисей, оба были пламенными ревнителями Иисуса Христа). За объединением святых верующий человек усматривает символику христианского единства, недаром церковь празднует их память в один день. Во-вторых, такое объединение имен типично для фольклора и народного религиозного сознания (по тому же принципу, что и *Петропавел*, образовано имя *Козьмодемьян*). В народном календаре известен *осенний Петр-Павел Рябинник* (23 сентября), аналогичные композитные формы отмечены в фольклорных заговорных текстах.

Вообще, говорение в процессе ловли рыбы или охоты имеет магическую функцию, тем более, если это рассказывание небылиц, «вранье». Популярны также комментарии, в которых зачастую фиксируются мелкие или крупные «неудачи». Смысл такого комментирования заключается в стремлении вербально представить ситуацию промысла или ее составляющие как шутку, веселье: *Хороша рыба ёри, жаль не нае..ёшь; Два налима проплыли мимо; Рыба плавает по дну, не поймает ни одну; Поймал я язя – и есть нельзя!* На самом деле, несмотря на то что с «чужими» рыбаки и охотники несловоохотливы, их речь в среде «своих» очень колоритна. Такие рифмованные «приговорки» обеспечивают эмоциональную и психологическую разрядку участников рыбалки. Аналогичное действие подобные выражения оказывают на игроков в азартные игры: в процессе карточной игры также можно услышать большое количество «приговорок»: *Копейка при мне* [СРНГ 31: 101]; *Я смирил твою овечку, ставлю жену на год* (т.е. отдаю в работницы [СРНГ 39: 21]); *Коли нечем, так хоть кулаком, да бей*, говор. в картах [Даль: электр. ресурс]; *Козыри крести – дураки на месте; Козыри те же – дураки-те свежи; У тебя все свои или Своих не пришло* (свои – козыри [СРНГ 36: 315]). В последних примерах «своим» названо лучшее, обеспечивающее благоприятный результат игры; игрок как бы вербально закрепляет за собой право на обладание лучшим, а «не свое», соответственно, отводит от себя. Любопытно, что в качестве эмоциональной разрядки и при игре в карты, и при ловле рыбы используется одно и то же выражение *Нет бубей – дак х.. бей*. Примени-

тельно к рыбному промыслу оно комментирует ловлю рыбы на *бубей* – личинок мух в виде белого червя (название наживки соотносится и с названием бубновой карточной масти, и ассоциативно – с названием наживки *черви* и червовой масти).

Рассмотренные нами немногочисленные примеры, безусловно, не дают полного представления о специфике этикетной стороны промысловой речи Прикамья. Однако их анализ позволяет обратить внимание на эмоционально-психологическую составляющую промысловой деятельности, выявить сохранение в ней, с одной стороны, традиционного магического, а с другой, – игрового начала. При этом очевидно, что при анализе промысловых паремий следует учитывать особенности промысловой субкультуры – пол, возраст участников, способы организации промысла в рамках традиционной культуры и в современных условиях, наличие различных запретов и предписаний и т.д.

Примечание

¹ Статья выполнена в рамках гранта 008-П «Языковой быт современного прикамского села (социолингвистическое исследование)» программы стратегического развития ПГГПУ.

Список литературы

Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 168–208.

Балакай А.Г. Пословицы и поговорки как формы утешения собеседника в русском речевом этикете // Проблемы речевого воздействия: Северо-Кавказские чтения: матер. Всерос. науч. конф. Вып. 1: Речевые цели и средства их реализации. Ростов н/Д, 1996. С. 43–44.

Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://old.kuzspa.ru/balaka-page/_private/etiket.doc (дата обращения: 01.12.2013).

Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник: к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента Р.И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 58–64.

Зорина Л.Ю. Традиции народного речевого этикета в говорах Вологодской области (трудовые благопожелания в ситуации сбивания масла) // Рябининские чтения: матер. науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. [Электронный ресурс]. URL:

<http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/401.html>
(дата обращения: 01.12.2013).

Зорина Л.Ю. Чин в коромысло! // Русская речь. 2011. № 2. С. 94–100.

Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры / Волог. гос. пед. ун-т. Вологда, 2012. 216 с.

Крючкова О.В. Коммуникативные нормы традиционного сельского общения // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2009. Вып. 9. С. 142–147.

Мешкова О.В. Типы благопожеланий в традиционном русском родильно-крестильном обряде // Вестник Челябинского университета. Филология. Искусствоведение. 2010. № 34(215). Вып. 49. С. 69–72.

Новик Е.С. Словесные формулы в контексте промысловых обрядов (на материале Сибири) // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора: тезисы и предварительные матер. к симпозиуму / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., 1988. Т. 1. С. 56–59.

Бахматов А.А. и др. Юрлинский край: Традиционная культура русских Юрлинского района в

XIX–XX в.: материалы и исследования / А.А. Бахматов, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Пермь, 2003. 492 с.

Список словарей

БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп. 2007.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. М.; Л.; СПб., 1965–2013. Вып. 1–45 (издание продолжается).

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс] URL: www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-18343.htm (дата обращения: 01.12.2013).

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2-х т. Пермь: Кн. мир, 2000–2002.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3-х т. Пермь, 2010–2012.

НОС – Новгородский областной словарь. Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та. 1994. Вып. 9 (ПРАЛЬНИК – Р).

FUNCTIONAL SPECIFICITY OF PROVERBIAL EXPRESSIONS IN PRIKAMYE HUNTING AND FISHING SPEECH

Ekaterina N. Svalova

Post-graduate Student of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

The article deals with proverbs, sayings and etiquette expressions registered in Prikamye hunters and fishermen's speech (wishes, jokes, stereotype commentaries). Content of proverbial expressions used in hunting and fishing speech and their relatedness to economic and magic rites are described. Figurativeness of banned formulae, orders, good wishes and their linguistic execution is analyzed. The analysis of functions of proverbial expressions helps to supplement considerably the ideas of emotional-psychological sides of hunting and fishing activities. It also contributes to preservation in hunting and fishing of traditional magic origin on the one hand, and playing origin on the other hand.

Key words: hunting and fishing subcultures; speech etiquette; etiquette formula; language game; verbal aspect of ceremonial tradition.